

кали на столы и били въ тактъ ногами, другіе стучали стаканами и самъ музыкантъ точно взбѣсился, хлопалъ по клавишамъ изо всей мочи, раскачивался всѣмъ туловищемъ и головой, прикрытой колоссальной шляпой.

Вдругъ онъ остановился, свалился со стула и растянулся на полу, схороненный подъ своей шляпой, словно умеръ отъ усталости. Громкій хохотъ поднялся въ кафе и всѣ захолопали въ ладоши.

Четверо пріятелей бросились впередъ, какъ это бываетъ, когда случается несчастіе, и, поднявъ своего товарища, унесли его, положивъ ему предварительно на животъ то подобіе крыши, которой онъ прикрывалъ свою голову. Шутникъ, шедшій за ними, затынулъ «De Profundis». И тотчасъ же образовалась цѣлая процессія за мнимымъ покойникомъ и развернулась вдоль дорожекъ острова, увлекая за собой потребителей, гуляющихъ, всѣхъ, кто попадался на встрѣчу.

Иветта въ восторгѣ побѣжала также слѣдомъ, заговаривая направо и налево, потерявъ голову отъ шума и суеты. Молодые люди глядѣли ей прямо въ глаза, толпились около нея, и сильно, повидимому, заинтересованные ею, оглядывали ее съ головы до пятокъ, такъ что Сервиньи началъ опасаться, какъ бы дѣло не окончилось скандаломъ.

Процессія двигалась, ускоряя свой шагъ. Четверо носильщиковъ привались, наконецъ, бѣжать, преслѣдуемые ревущей толпой. Но вдругъ они повернули прямо къ рѣкѣ и, побѣжая къ самому берегу, раскатали своего товарища и кинули его въ воду.

Радостный крикъ вырвался у всѣхъ, между тѣмъ какъ оглушенный піанистъ барахтался въ водѣ, ругался, кашляя, выплевывалъ воду и, увязая въ грязи, старался выбраться на берегъ.

Шляпа его, уносимая теченіемъ, была выловлена на одной изъ лодокъ.

Иветта прыгала отъ удовольствія, хлопая въ ладоши, и повторяла:

— Ахъ! Мюскадъ, какъ мнѣ весело! какъ мнѣ весело!

Сервиньи наблюдалъ за нею съ серьезнымъ лицомъ, отчасти смущенный, отчасти раздосадованный тѣмъ, что она чувствуетъ себя такъ свободно среди всего этого сброда. Какой-то инстинктъ возмущался въ немъ, инстинктъ приличія, который никогда не оставляетъ благовоспитаннаго человѣка, даже и тогда, когда онъ нѣсколько распустился, и который удерживаетъ его отъ слишкомъ подлыхъ фамиліарностей и слишкомъ грязныхъ компаній.